

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.6>

UDC 321.022
LBC 66.09

Submitted: 10.08.2020
Accepted: 05.02.2021

POLITICAL COMMUNICATIVISTICS: THE EVOLUTION OF UNDERSTANDING THE ROLE OF INFORMATION IN POLITICAL PROCESS

Ilya L. Morozov

Volgograd Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is a survey study, the purpose of which is to analyze the evolution of concepts in the field of political communicativistics, aimed at understanding the role of information in the system of political processes from the middle of the 20th Century to the present day. *Methods and materials.* As the main toolkit for working with scientific texts, methods of qualitative text analysis, focused on the study of the conceptual description of social problems, aspects of the interaction between government and society were used. As materials for the analysis, the texts of Russian and foreign scientists devoted to the study of the role of information in public administration and in political processes and published in one of the leading scientific periodicals or central scientific publishing houses were used. *Analysis.* The article establishes the objective factors of enhancing scientific research in the subject area of political communicativistics in the 20th Century, examines the modern understanding of the role of information in the processes of public administration, the influence of the general information theory and the cybernetic approach on the development of Russian political communication. *Result.* Modern political science concepts do not demonstrate a unified understanding of the “information future” image that emerges under the influence of the “digital revolution”. The range of approaches is wide, from the libertarian assumption of a gradual weakening of the state functions and the transition to direct democracy, when citizens are in direct contact with each other using the technologies of the information and communication system of Internet and do not need the mediation of professional state administrators, to the revival of totalitarian forms of government based on control over information flows. The tendency of Russian scientists to correlate with the trends of state policy, shifting their research topics to the political aspects of information security, social networks and the activity of opposition public associations on the Internet, was revealed as the dominant trend at the current stage. This trend is ambiguous – it corresponds to the nature of modern challenges and threats in the information sphere, but in the future it can negatively affect the volume and quality of fundamental theoretical developments, and decrease the interest in them.

Key words: information, state, power, political science, communication, security, mass media.

Citation. Morozov I.L. Political Communicativistics: The Evolution of Understanding the Role of Information in Political Process. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 3, pp. 58-71. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.6>

УДК 321.022
ББК 66.09

Дата поступления статьи: 10.08.2020
Дата принятия статьи: 05.02.2021

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАТИВИСТИКА: ЭВОЛЮЦИЯ ПОНИМАНИЯ РОЛИ ИНФОРМАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Илья Леонидович Морозов

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья является обзорным исследованием, цель которого состоит в анализе эволюции концепций в сфере политической коммуникативистики, направленных на понимание роли инфор-

мации в системе политических процессов с середины XX в. по настоящее время. *Методы и материалы.* В качестве основного инструментария работы с научными текстами использованы методы качественного анализа текста, ориентированные на изучение концептуального описания социальных проблем, аспектов взаимодействия власти и общества. В качестве материалов для анализа использовались тексты российских и зарубежных ученых, посвященные изучению роли информации в государственном управлении и политическом процессе в целом, опубликованные в одном из ведущих научных периодических изданий или центральных научных издательствах. *Анализ.* В статье установлены объективные факторы активизации научного поиска в предметной области политической коммуникативистики в XX в., рассмотрено современное понимание роли информации в процессах государственного управления, влияние общей теории информации и кибернетического подхода на развитие российской политической коммуникативистики. *Результат.* Современные политологические концепции не демонстрируют единого понимания образа «информационного будущего», которое возникнет под воздействием «цифровой революции». Разброс подходов широк, от либертарианского предположения постепенного ослабления функций государства и перехода к прямой демократии, когда граждане напрямую контактируют между собой с помощью технологий информационно-коммуникационной системы Интернет и не нуждаются в посредничестве профессиональных государственных управленцев, до возрождения тоталитарных форм государственного управления на основе контроля над информационными потоками. В качестве доминирующей на текущем этапе тенденции выявлено стремление российских ученых смещать тематику исследований на политические аспекты информационной безопасности и социальные сети, активность оппозиционных общественных объединений в Интернете. Данная тенденция неоднозначна – соответствует характеру современных вызовов и угроз в информационной сфере, но в перспективе может негативно сказаться на объеме и качестве фундаментальных теоретических разработок, снижении интереса к ним.

Ключевые слова: информация, государство, власть, политическая наука, коммуникация, безопасность, СМИ.

Цитирование. Морозов И. Л. Политическая коммуникативистика: эволюция понимания роли информации в политическом процессе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2021. – Т. 26, № 3. – С. 58–71. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.6>

Введение. Политическая коммуникативистика – динамично развивающееся направление российской политологии, решающее как теоретико-концептуальные задачи осмысления закономерностей и особенностей информационного взаимодействия между акторами политического процесса в постиндустриальном обществе, так и практические аспекты управления политическими процессами. Информация, как один из ключевых инструментов в системе государственного управления, ее генезис, характер, технологии применения, входит в предметное поле политической коммуникативистики и находится в фокусе внимания ведущих ученых-политологов России и зарубежных стран. Целью данной статьи является обзор основных концепций, представленных в сфере понимания роли информации в политическом процессе и системе современного государственного управления¹ в частности, в их эволюции с середины XX в. по настоящее время.

Методы и материалы. В качестве основного инструментария работы с текстами

использованы методы качественного анализа текстов (Н. Фэркло), ориентированного на изучение концептуального описания социальных проблем, аспектов взаимодействия власти и общества [12, с. 201–211; 36]. Отбор текстов производился по следующим критериям: текст российского автора посвящен концептуальным вопросам политической коммуникативистики (предметно – роли информации в государственном управлении) и опубликован в период с 90-х гг. XX в. по настоящее время в одном из ведущих российских научных периодических изданий по политическим наукам, индексируемым Scopus, Web of Science или RSCI (с включением в ядро РИНЦ), монография (фундаментальная научная работа) опубликована в одном из центральных научных издательств. Исходя из специфики предметной области данной статьи, при формировании выборки научных периодических изданий использовались не только показатели Science Index (SI) и Индекса Херфиндаля (ИХ) Российской Научной Электронной Библиотеки для журналов по направлению

«Политика. Политические науки» (выстраиваемый на количественных показателях рейтинг подвержен весьма существенным колебаниям по годам [1, с. 72]), но также научно-тематическая специализация и субъективный показатель – научный авторитет издания в профессиональном сообществе [2].

Тексты ведущих зарубежных авторов использовались в той степени, которая необходима для выявления научной преемственности между зарубежной и российской коммуникативистикой, осмысления зарубежной составляющей фундамента российских концепций. Диссертации и учебные пособия не анализировались даже в том случае, если автор являлся ведущим ученым в сфере коммуникативистики (см., например, [8]).

Анализ. Общая теория информации, понимаемая в роли универсального инструмента управления базовыми процессами в социуме, начала интенсивно разрабатываться в 1940–1950-х годах. Активизации научного поиска в данном направлении способствовали два фактора:

– опыт Второй мировой войны выявил возросшее значение средств связи и контроля над информационными потоками как в техническом аспекте, так и в аспекте эффективности пропаганды и контрпропаганды;

– интенсивное развитие систем автоматизированного сбора и обработки информации открыло перспективу работы с базами данных и информационными массивами такого объема, который был ранее невозможен, что потенциально вело к революционным изменениям в сферах управления социально-политическими и экономическими процессами.

Основоположником общей теории информации можно назвать американского математика К. Шеннона [32; 33; 37; 38], внесшего значительный вклад и в становление криптографии, кибернетики и автоматики («Математическая теория коммуникаций» 1948 г., «Современные достижения теории связи» 1950 г., «Некоторые задачи теории информации» 1950 г., «Теория связи в секретных схемах» 1945 г.). Применительно к процессам государственного управления актуальны его общетеоретические размышления относительно природы информации и механизмов ее передачи. К. Шеннон выдвинул предположение о мате-

риальном характере информации, на работу с которой распространяются те же законы и принципы, что и при манипуляциях с массой и энергией. Основной проблемой работы с информацией является сохранение точности передаваемого сообщения при движении от источника к адресату [33, с. 25], поскольку при «транспортировке» информации К. Шеннон предполагал ее неизбежное искажение из-за возникающих помех. Поэтому при выстраивании информационных систем предлагалось закладывать схемы, позволяющие обеспечить дублируемую проверку подлинности исходного сообщения.

Родоначальником кибернетической теории управления выступил американский исследователь-математик Н. Винер [4; 5] («Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине», 1948 г., «Кибернетика и общество», 1950 г., «Творец и Голем», 1963 г.). Он уподоблял нервную систему живого существа механике автомата, поскольку обе они направлены на процесс преодоления энтропии, в том числе и за счет регулирования информационных потоков. Если в технологической части кибернетической теории Н. Винера далеко не во всех случаях оправдала ожидания своего разработчика, то применительно к сфере государственного управления Н. Винер роль информации определил точнее: «Удел информации в типичном американском обществе состоит в том, чтобы превратиться в нечто такое, что может быть куплено или продано... Какие бы средства ни имела раса или биологический вид, всегда можно определить и измерить количество информации, которое может получить эта раса, и отличить его от количества информации, доступной для особи» [4, с. 145]. Со временем процесс принятия и реализации управленческих решений будет полностью автоматизирован и нивелирует личностные различия между индивидами.

Применительно к теории государственного управления концепцию Н. Винера адаптировал и конкретизировал К. Дойч [35] («Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля», 1963 г.), сравнивший политические коммуникации с нервной системой человека, осуществляющей связь со всеми органами. Политическое управление осуществляется за счет регулирования правитель-

ством информационных потоков в политической системе, что позволяет в нужный момент оказывать мобилизующее воздействие на массы, побуждать их к выгодным для власти решениям. К. Дойч с опорой на работы Н. Винера впервые предложил рассматривать политическую систему как разновидность коммуникативных систем.

На основе анализа работ Н. Винера и К. Дойча можно сделать вывод, что в информационно-кибернетических теориях феномен коммуникации раскрывается как процесс обмена информационными единицами в рамках сложносоставных эволюционирующих (трансформирующихся) систем и их сегментов, которые, в свою очередь, способны генерировать, принимать, накапливать и перерабатывать информацию. Современная теория государственного управления рассматривает феномен массовых коммуникаций с учетом кибернетической теории информации, теории коммуникативных сетей, теории организации и принятия управленческих решений.

Эволюция кибернетического подхода применительно к пониманию государственного управления оказала глубокое влияние на развитие политической науки и политических практик, трансформировавшись в системный подход, особое внимание уделяющий принципам информационного обмена между входящими в общую политическую структуру элементами. Сформулирована классическая модель функционирования политической системы в изложении американского политолога Дэвида Истона, в которой важнейшую роль играли процессы «ввода» и «вывода» управленческой информации в аппарат принятия решений [7].

В 1982 г. американский футуролог Дж. Нейсбит, описывая последствия технологической революции 1960–1970-х гг., отмечал: «...два недавних изобретения сыграли ключевую роль в превращении всей планеты в одну экономическую деревню: реактивный самолет и спутниковая связь. Наверное, наиболее важным компонентом является все-таки спутниковая связь. С ее помощью задержка информации стала почти нулевой» [14, с. 88–89]. Понимание политико-управленческой роли информации и особенностей самого информационного потока в эволюции современных го-

сударств стало объектом исследования политологов на следующем этапе развития науки.

Современные концепции, описывающие информационный управленческий ресурс, в той или иной степени опираются как на общую теорию информации, так и на теорию постиндустриальной фазы развития человечества, разработанную во второй половине XX века. В 2002 г. вышло обзорное исследование британского профессора Ф. Уэбстера «Теории информационного общества» (издано на русском языке в 2004 г. [28]). Автор дал подробный критический обзор основных информационных концепций, разработанных западной политологией и футурологией на тот период, например, теории Д. Бэлла, М. Кастельса, Г. Шиллера, Э. Гиденса, Ю. Хабермаса.

Ф. Уэбстер обращает внимание на количественное взрывное увеличение информационных потоков в современном мире и запрос на специалистов, способных на качественную обработку и генерацию информации. Одним из ключевых трендов на рынке труда является сокращение рабочих мест в промышленном производстве, в которое внедряются компьютерные технологии управления и роботизированные линии производства и сборки изделий и одновременное увеличение спроса на рабочую силу в области информационного обслуживания – журналисты, редакторы, системные аналитики, инженеры по проектированию и обслуживанию компьютерных сетей.

Ф. Уэбстер скептически относится к терминам «информационное общество» или «постмодерн», называя грядущую эпоху постфордистской, главный признак которой – переход от массового производства, основанного на труде взаимозаменяемых работников, к системе гибкой специализации, где возникает спрос на работников с уникальными навыками, работающих по проектному принципу, заменить которых на рынке труда работодателю крайне сложно. Информатизация современной жизни, по мнению Ф. Уэбстера, не есть самостоятельный феномен, задающий параметры дальнейшего развития мира. Информатизация в его понимании лишь сопутствующий процесс закономерного развития капиталистических отношений в экономике, вышедших на глобальный уровень.

М. Кастельс [9; 10; 11] вводит понятие информационного капитализма как особо безжалостной формы эксплуатации, вышедшей на уровень глобального присутствия и обладающей повышенной адаптацией к окружающему миру [9, с. 113–120]. Особенностью современности стало развитие сетевого принципа взаимосвязи акторов социальных, политических, экономических и иных процессов. Глобализация усиливает интеграцию между наиболее развитыми участниками сетевого процесса, но усиливает дезинтеграцию и маргинализирует отстающих акторов. Информационный капитализм разделяет акторов глобального процесса на неравноправные категории работников в зависимости от степени доступа к качественным информационным ресурсам. В привилегированном положении находятся работники, чья квалификация и таланты позволяют производить уникальный востребованный на рынке информационный продукт. В основание социально-экономической пирамиды опускаются «избыточные производители», по терминологии М. Кастельса, способные лишь на стандартизированный труд, спрос на который будет неуклонно снижаться по мере автоматизации производственного процесса.

М. Кастельс предположил, что Интернет перехватит ключевую роль политического информационного канала у телевидения, положит конец информационным системам, централизованно производящим информацию и транслирующим ее на большие гомогенные аудитории [9, с. 94–99].

Г. Шиллер, американский политолог и социолог марксистских убеждений, автор работы: «Массовые коммуникации и американская империя», стал известен в отечественной науке благодаря вышедшей на русском языке в 1980 г. книге «Манипуляторы сознанием». В отличие от других теоретиков коммуникаций в информационном обществе, Г. Шиллер сосредоточился на вопросах экономической бедности и социальной несправедливости, нарастающих в информационную эпоху, представлял политико-экономический методологический подход, особенностями которого были:

– стремление выявить в любом массмедийном тексте его скрытый за поверхностным сообщением смысл;

– системный анализ, основанный на выявлении позиции и роли конкретного массмедийного актора в общей социально-экономической системе страны и мира;

– марксистская периодизация исторического процесса с выявлением ключевых особенностей, присущих капиталистической системе на каждом этапе развития, исследование политических коммуникаций в спектре таких феноменов, как власть, контроль и выгода.

С точки зрения Г. Шиллера, информация превратилась в товар, на доступ к которому влияет классовое неравенство. Западное общество, в котором ключевую роль начинают играть информация и коммуникации, он называл корпоративным капитализмом. Г. Шиллер отмечает: «Заправила средствами массовой информации Америки создают, обрабатывают, ловко оперируют и полностью контролируют распространение информации, которая определяет наши представления, установки, а в конечном счете и наше поведение» [34, с. 17]. Качественная профессиональная информация, способная сыграть важную роль в развитии бизнеса или в государственном управлении, как правило, находится в экспертных базах данных, доступ к которым коммерциализирован. К качественной информации имеют доступ только богатые люди. Для бедняка остается «информационный мусор», который не столько призван сориентировать человека в окружающей его действительности, чем обеспечить виртуальное бегство от нее. Информация в открытых массовых коммуникационных каналах обширна, но однообразна. Обыватель может быть подключен к сотне телевизионных каналов, но все они дают практически одинаковый набор бесполезных для личностного развития информационных стимулов: спортивные состязания, боевики, комедии, «мягкая порнография», рок-музыка, «мыльные оперы».

По теории Г. Шиллера, информационная революция имеет классовое происхождение, призвана укрепить позиции господствующих слоев и ослабить сопротивление социальных аутсайдеров. Достигается это путем увеличения «пропасти между знаниями» представителя элитных слоев и рядового гражданина. Качественное образование и постоянное

его обновление через доступ к экспертным базам знаний могут себе позволить богатые, удел бедных – некачественное образование в юности и доступ только к «информационному мусору», который развлекает своего потребителя, отвлекает его от профессионального совершенствования, содержит массу сплетен и недостоверной квазинаучной информации и мало ценных знаний. Если ценные знания в открытом доступе все же есть, то они не систематизированы, перемешаны с «информационным мусором», а потому их использование затруднено.

Ю. Хабермас представляет теоретико-методологические традиции Франкфуртской философской школы, автор концепции публичной сферы в политике и государственном управлении [29]. Публичная сфера – пространство формирования общественного мнения, независимое от государства и экономических корпораций. Свободная циркуляция информации в обществе – основа публичной сферы. Идеальная публичная сфера представляется как работа честных парламентариев, открыто обсуждающих проблемы и решения, работа добросовестных государственных служащих, воплощающих эти решения в жизнь, все политические процессы проходят открыто, общество в полной мере и точно информировано о них.

Феномен публичной сферы впервые складывается в Великобритании в XVIII в. в результате выхода предпринимателей из-под идеологической опеки церкви и монархии. В противовес феодальным идеологам представители развивающегося капитализма поддерживали деятелей творческого труда: литераторов, ученых, художников. Постепенно появляются профессиональные СМИ. Итогом данного процесса стало формирование к середине XIX в. «классической» публичной сферы открытого типа, допускающей дискуссии, критику действий власти, гласность и относительную независимость действующих в публичной сфере информационных акторов от экономических центров и государства.

В XX в. публичная сфера приходит в упадок: пресса превращается в пропагандиста и агента рекламы, литература утрачивает классические черты и ориентируется на развлечение читателей, власть начинает управлять

людьми с помощью манипуляции информационными потоками. Однако публичная сфера получает поддержку с неожиданной стороны – от государства, которое заинтересовано в противовесе частным корпорациям. Благодаря заинтересованности со стороны институтов государственного управления удается сохранить важные опорные элементы публичной сферы – бесплатные библиотеки, систему высшего образования, статистические службы, музеи, галереи, все те источники, из которых получает информацию об окружающем мире простой человек.

Британский социолог Э. Гидденс предложил теорию, согласно которой развитие капитализма порождает необходимость тотальной слежки за гражданами как со стороны государственных служб, так и коммерческих корпораций. Сначала фиксируются и статистически обобщаются коммерческие предпочтения (траты, характер покупок), затем, со вступлением развития социума в информационно-компьютерную стадию [6], слежка приобретает всеобъемлющий и автоматизированный характер. Человеческая жизнь в традиционной общине (село) веками протекала с большой долей участия соседей, однако переселение в город дало обманчивое ощущение приватности. В городе соседские связи слабы и интерес частных индивидов друг к другу понижен, однако в ходе своей деятельности человек оставляет много информационных «следов» (созданные на рабочем месте электронные материалы, политические и социальные высказывания, лечение, покупки, отдых), которые фиксируются государственными службами и частными корпорациями. Информация о человеке постепенно накапливается в различных базах данных, а компьютерные сетевые технологии позволяют объединять информацию из разных баз в одну, формируя практически идентичную электронную копию жизни человека. Э. Гидденс предупреждал о сохранении тоталитарных тенденций в современных развитых государствах именно по причине тотальной «прозрачности» человеческой жизни.

В российской политологии политическая коммуникативистика как предметное направление научного поиска интенсифицировала свое развитие с 1990-х гг. (в предшествующую

ший советский период в основном преобладали работы, посвященные теоретическим и практическим аспектам политической пропаганды и контрпропаганды). Одними из первых в демократической России информационными аспектами политической коммуникативистики применительно к государственному управлению заинтересовались советские и российские ученые в области журналистики, рекламы и психологии. Термин «коммуникативистика» был введен в российскую науку научным сотрудником факультета журналистики МГУ Л.М. Земляновой. Среди современных ведущих российских ученых, внесших весомый вклад в развитие отечественной теории политических коммуникаций, можно отметить А.И. Соловьева, К.Г. Холодковского, Л.Н. Тимофееву, А.Н. Чумикова, А.В. Шевченко, О.В. Афанасьеву, М.Н. Грачева и других.

Л.Н. Тимофеева [25; 26; 27] указывала на следующие предметные направления политической коммуникативистики:

- политическая коммуникация как феномен, ее роль в формировании политического ландшафта социума;

- изучение правовых и этических ограничений в воздействии политических коммуникаций на общественное сознание [27].

А.Н. Чумиков отмечал, что главной целью политического коммуникатора является управление восприятием коммуниканта [30]. Коммуникатор в процессе управления коммуникантом решает одну из трех задач (иногда их комбинацию):

- создать несуществующее ранее мнение;
- усилить имеющееся мнение;
- изменить имеющееся мнение.

Коммуникативистика терминологически раскрывается А.Н. Чумиковым как управление восприятием целевых групп с помощью сознательного производства посланий и размещения их в специально организованных коммуникационных каналах. Ученый обращает внимание на четыре новых фактора коммуникаций, обозначившихся в XXI в.:

1. Виртуализация информационного пространства, порожденная эффектом перенасыщенности политического рынка – большое число политических партий, лидеров, общественных групп. Потребитель не может изучить их все с позиций рационализма и реаль-

ности, на первый план выходит иррациональное восприятие наиболее ярких образов, курсирующих в информационном пространстве.

2. Изменения в коммуникативных стратегиях. Традиционная стратегия предполагала информационный обмен между властью и избирателем, осуществляемый через привычные, проверенные временем СМИ (газеты, телевидение). Сейчас избиратель все меньше согласен участвовать в этой схеме на правах зависимого коммуниканта. На смену приходит новая схема, когда избиратели напрямую обсуждают между собой предлагаемый правительством политический продукт без участия и вне контроля самого правительства.

3. Систематизация информационной среды. Локальные и специализированные базы данных постепенно заменяются глобальными и универсальными.

4. Целевая группа как социологическое понятие применительно к медийной среде постепенно утрачивает значение. Это обусловлено появлением значительного (теоретически неограниченного) количества информационных каналов, из которых каждый индивид выбирает нужное ему сам. Ранее количество телеканалов, доступных газет и радиостанций было количественно ограничено, что позволяло источнику информации выявлять свою целевую группу и адаптироваться к ее запросам.

А.В. Шевченко так же отмечает упоминаемый ранее феномен политического поведения человека в условиях информационного общества – «человек коммуникативный» стремится вывести вопросы политического дискурса и принятия решений из системы государственно-политических отношений в систему социально-политических, достигая решения в ходе взаимодействия с другими индивидами, а не с органами власти. А.В. Шевченко считает право на информацию и коммуникацию естественным свойством человека, обусловленное его биопсихосоциальной сущностью [31].

А.И. Соловьев [23; 24] указывает, что теория коммуникации начала формироваться в 20-е гг. XX в. под влиянием потребностей пропаганды. К базовым критериям идентификации политических коммуникаций А.И. Соловьев относит публичный характер и символическую природу информационных обменов,

поскольку именно символы служат основой для идентификации политических объектов в сознании человека [23]. Процесс коммуникации теряет эффективность, если акторы используют несопадающие принципы символизации информации. Возникает эффект «разговора на разных языках», в результате которого власть и общество перестают понимать друг друга.

Данный автор отрицает теорию профессора В.П. Пугачева о вероятности возникновения информационно-финансового тоталитаризма как глобальной политической системы будущего [16; 17]. По мнению А.И. Соловьева, информационная революция и развитие Интернета как раз подрывают тоталитарные тенденции, приводят к формированию сетевых политических структур, не поддающихся контролю со стороны государства. Вслед за британским профессором Б. МакНейром он рассматривает феномен медиакратии – концентрации информационных ресурсов в руках властных кругов, которые через разрушение барьеров между публичной и частной сферами жизни общества и другими механизмами управления массовым сознанием берут под контроль политическое поведение граждан.

Российский социум представляется как особо уязвимый для медиакратического воздействия ввиду слабости исторического опыта позитивного взаимодействия между властью и обществом. Не случайно российская элита на рубеже XX и XXI вв. сосредоточила усилия на взятии под контроль центральных СМИ. При этом альтернативные и независимые системы коммуникаций, как, например, социальные сети в Интернете, система авторских блогов, подвергаются жесткому государственному давлению под предлогом борьбы с экстремизмом и аморальными субкультурами.

А.И. Соловьев вводит термин «медиапринудительное голосование» [24], указывая, что разнообразие современных коммуникаций продуцирует новые образы власти, вырабатывает новые ценностные иерархии, нормы, институты и цели. Коммуникации стимулируют привлечение культурного капитала в политику, ориентируясь на «человека развлекающегося». Виртуализация политического пространства приносит в политическое информацион-

ное поле смешение вымышленных и реальных событий. Из шоу-бизнеса заимствуются стили взаимодействия профессионального политика и рядовых граждан, содержательность приносится в жертву зрелищности, занимательности. В итоге доминирует культура политического развлечения, формирующая очень поверхностный и обманчивый образ реального политического процесса.

Постмодерн превращает формирование общественно значимых мнений в удел профессионалов, в спланированное и оплачиваемое ремесло. Так же развитие современных коммуникаций породило новый стиль жизни – всех со всеми и одновременно порознь. Не выходя из дома, индивид может дистанционно осуществлять значительное число контактов как с гражданами, так и с органами власти.

Социальные сети, трансформирующиеся под воздействием интернет-технологий, порождая новые эффекты и закономерности политических коммуникаций, находятся в центре научного внимания И.В. Мирошниченко и Е.В. Морозовой, которые отмечают: «В политической сфере сетевая коммуникация становится системообразующим источником репродуцирования всех социальных институтов, определяя формат социальных и политических отношений» [13, с. 88], а также выявляют изменения процесса публичного управления, который становится многослойным, многосторонним, а политические инструменты влияния и контроля все более распределяются между множественными индивидуальными и коллективными акторами. За государством сохраняется роль модератора и инициатора проектной и экспертной деятельности сетевых сообществ, используя технологии краудсорсинга.

Н.К. Радина [18; 19; 20; 21] обращает внимание на необходимость исследования новых форм политического участия, порождаемых цифровой эпохой. Автор выделяет такой управленческий ресурс, как мобилизация онлайн-комментаторов при формировании общественного мнения на ту или иную значимую политическую тематику. Среди новых проблем, порожденных онлайн-коммуникациями, Н.К. Радина отмечает распространение формата антисоциального поведения в виде троллинга (сетевое словесное хулиганство), гриффинга (онлайн-вандализм), флейма (словесная

война с переходом на личности, когда сама первопричина спора становится не важной и забывается полемизирующими сторонами в ходе противоборства) [18; 19, с. 118]. Изучив характер мотивации в «цифровой ритуальной коммуникации в форме онлайн-комментирования политического контента» [19, с. 126], возможно более детально и целеориентированно проектировать коммуникативные инструменты и стратегии (включая инструменты защиты в конфликтной политической коммуникации).

Результаты. В XX в. доминирующий вектор развития человечества сместился в сферу цифровых технологий, революционно интенсифицировавших информационные потоки и разнообразивших источники их генерации, что неизбежно отразилось на характере политических процессов и сформировало запрос на изучение информации как политического феномена. В несколько этапов происходит становление нового направления научного поиска – политической коммуникативистики как междисциплинарного предметного поля (см. рисунок):

- 1-й этап (1940-е гг.) – общая теория информации;
- 2-й этап (1950-е гг.) – кибернетическая теория информации;
- 3-й этап (1960–1980-е гг.) – развитие зарубежных школ политической коммуникативистики: школа медиаэффектов (Колумбийский университет США), школа «неинформированного избирателя» (Мичиганский универ-

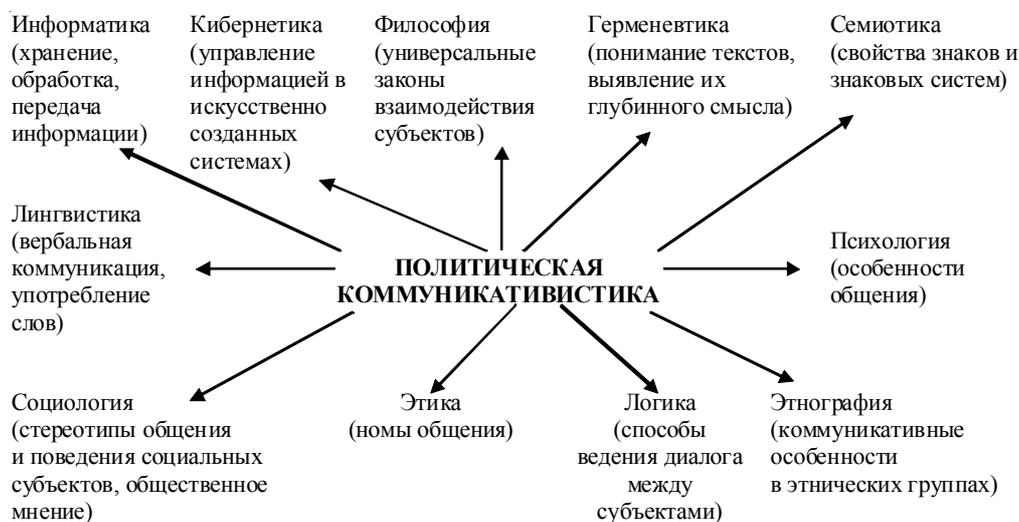
ситет США), школа «убеждающей коммуникации» (Йельский университет, школа реконструкции политического сознания (У. Гемсон) и другие;

– 4-й этап (конец 1980-х – 1990-е гг.) – институционализация политической коммуникативистики в рамках политической науки в России;

– 5-й этап (конец 1990-х – настоящее время) – «секьюритизация» предметного поля политической коммуникативистики как в России, так и за рубежом, выдвигание в фокус внимания вопросов информационных войн, технологий «мягкой силы», пропаганды в условиях массового развития информационно-коммуникационных систем и основанных на них новых формах интерактивного взаимодействия массовых аудиторий (технологии Web2.0).

Обзор изученных научных публикаций позволяет сформулировать следующие выводы относительно эволюции понимания роли информации в системе государственного управления:

- увеличение информационных потоков и усиление их влияния на политический процесс с середины XX в. начало формировать запрос на разработку как теорий общего (объяснительного) рода, так и на практические рекомендации по использованию информационных технологий в государственном управлении, что с 90-х гг. стало одной из актуальных задач российской политологии, в рамках которой успешно сформировалось новое направление научного поиска – политичес-

Взаимосвязь политической коммуникативистики с сопредельными областями научного знания

кая коммуникативистика. Опираясь на классические зарубежные концепции и методологию (общая теория информации – К. Шеннон, кибернетический подход – Н. Винер, К. Дойч), российская коммуникативистика в начале XXI в. предложила несколько теорий, объясняющих ключевую роль информации в современных политических процессах и технологиях государственного управления;

– не ставя под сомнение прогнозы о поступательно растущем значении информации и усилении внимания государств к информационному фактору внешней и внутренней политики, современные концепции не демонстрируют единого понимания образа «информационного будущего», которое возникнет под воздействием «цифровой революции». Разброс подходов широк, от либертарианского предположения постепенного ослабления функций государства и перехода к прямой демократии, при которой граждане напрямую контактируют между собой с помощью технологий информационно-коммуникационной системы Интернет и не нуждаются в посредничестве профессиональных государственных управленцев, до возрождения тоталитарных форм государственного управления на основе контроля над информационными потоками;

– выдвинута гипотеза о грядущей медиакратии как новой форме реализации политической власти, обусловленной растущим значением информации в управленческих процессах, что может способствовать как становлению меритократии («власти лучших» – выделяющихся высокими морально-нравственными качествами и профессиональной компетенцией государственных служащих и политических лидеров), так и росту влияния популистских политических сил, пробуждающих низменные чувства и агрессивные инстинкты социальных групп и отдельных индивидов;

– прогнозируется, что тренд на стремление со стороны государственных институтов к жесткому (запретительно-репрессивному) стилю управления информационными потоками будет усиливаться, однако насколько успешными будут данные действия, покажет практика ближайшего десятилетия.

Завершив концептуальное становление, российская политическая коммуникативисти-

ка вышла на уровень успешного решения прикладных задач, связанных с оценкой роли информации в политических процессах и особенностей технологических манипуляций с ней применительно к конкретным ситуациям [3; 14; 22].

В качестве доминирующей сейчас тенденции явно прослеживается стремление ученых коррелировать с трендами государственной политики, смещая тематику исследований на политические аспекты информационной безопасности и политическую роль социальных сетей, активность оппозиционных общественных объединений в Интернете. Сходной тематике посвящена и значительная часть заявок на соискание грантовой поддержки, поступающая в российские научные фонды в сфере данной предметной области политологии в последние годы. Данная тенденция неоднозначна – соответствует характеру современных вызовов и угроз в информационной сфере, но в перспективе может негативно сказаться на объеме и качестве фундаментальных теоретических разработок, снижении интереса к ним.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Под государственным управлением понимается «деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности» (Федеральный закон от 28.06.2014 М 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании в Российской Федерации»), под информацией понимаются «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» (Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдонин, В. С. О чем говорят рейтинги? Журналы по политической науке в системе РИНЦ / В. С. Авдонин, Е. Ю. Мелешкина // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 4. – С. 69–88.
2. Авдонин, В. С. Политическая наука в журналах: анализ инструментов и показателей в информационных системах / В. С. Авдонин, Е. Ю. Мелешкина // Политическая наука. – 2020. – № 1. – С. 87–111.

3. Ахременко, А. С. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных / А. С. Ахременко, Д. К. Стукал, А. П. Петров // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 73–91.
4. Винер, Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / Н. Винер. – М. : Наука. Гл. ред. изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.
5. Винер, Н. Творец и будущее / Н. Винер. – М. : АСТ, 2013. – 732 с.
6. Гидденс, Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 241 с.
7. Истон, Д. Категории системного анализа политики / Д. Истон // Политология / сост. : М. А. Вассилик, М. С. Вершинин. – М. : Гардарики, 2000. – С. 319–331.
8. Кастельс, М. Власть коммуникации : учеб. пособие / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2016. – 564 с.
9. Кастельс, М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – 328 с.
10. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
11. Кастельс, М. Информационное общество и государство благосостояния: финская модель / М. Кастельс, М. Химанен. – М. : Логос, 2002. – 219 с.
12. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер. – Харьков : Гуманитарный центр, 2009. – 356 с.
13. Мирошниченко, И. В. Сетевая публичная политика: контуры предметного поля / И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозова // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 2. – С. 82–102.
14. Нейсбит, Дж. Мегатренды / Дж. Нейсбит. – М. : АСТ, 2003. – 308 с.
15. Политическая коммуникативистика : монография / под ред. Л. Н. Тимофеевой. – М. : РАПН, 2012. – 427 с.
16. Пугачев, В. П. Информационно-финансовый тоталитаризм: российский эксперимент по американскому сценарию / В. П. Пугачев // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 1999. – № 4. – С. 3–32.
17. Пугачев, В. П. Информационный тоталитаризм как перспектива либеральной демократии в XXI веке / В. П. Пугачев // На рубеже веков. – 1997. – № 4. – С. 45–51.
18. Радина, Н. К. Власть в информационном поле природных и техногенных катастроф (по материалам документальных фильмов) / Н. К. Радина // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 1. – С. 112–124.
19. Радина, Н. К. Цифровая политическая мобилизация онлайн-комментаторов материалов СМИ о политике и международных отношениях / Н. К. Радина // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 2. – С. 115–129.
20. Радина, Н. К. Управление массмедийным дискурсом как функция коммуникативного кода власти / Н. К. Радина // Политическая наука. – 2017. – № 2. – С. 138–156.
21. Радина, Н. К. Цифровое политическое участие: эффективность электронных петиций негосударственных онлайн-платформ (на материале Change.org) / Н. К. Радина, Д. А. Крупная // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 6. – С. 113–127.
22. Соловей, В. Д. Цифровая мифология и избирательная кампания Дональда Трампа / В. Д. Соловей // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 5. – С. 122–132.
23. Соловьев, А. И. Коммуникация и культура: противоречия поля политики / А. И. Соловьев // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 6. – С. 6–17.
24. Соловьев, А. И. Политический дискурс медиакратий: проблемы информационной эпохи / А. И. Соловьев // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 2. – С. 124–132.
25. Тимофеева, Л. Н. Политическая коммуникативистика как мультидисциплинарное поле исследований / Л. Н. Тимофеева // Политика развития, государство и мировой порядок : материалы VIII Всерос. конгресса политологов / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. – М. : Аспект Пресс, 2018. – С. 529–530.
26. Тимофеева, Л. Н. Политическая коммуникативистика: мировая и российская проекции / Л. Н. Тимофеева // Политическая наука. – 2016. – № 2. – С. 74–100.
27. Тимофеева, Л. Н. Политическая коммуникативистика: проблемы становления / Л. Н. Тимофеева // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 41–54.
28. Уэбстер, Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.
29. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2000. – 380 с.
30. Чумиков, А. Н. Политическая коммуникативистика: актуальные задачи и технологии прикладного применения / А. Н. Чумиков // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 55–67.
31. Шевченко, А. В. Устойчивость политической системы: «человек коммуникативный» против «человека политического» / А. В. Шевченко // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 68–83.

32. Шеннон, К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон. – М. : Изд-во иностр. лит., 1963. – 830 с.

33. Шеннон, К. Современные достижения теории связи / К. Шеннон // Информационное общество. – М. : АСТ, 2004. – С. 23–40.

34. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер. – М. : Мысль, 1980. – 326 с.

35. Deutsch, K. W. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control / K. W. Deutsch. – London : Free Press of Glencoe, 1967. – 316 p.

36. Li Sum-hung, E. Systemic Functional Political Discourse Analysis. A Text-based Study / Eden Sum-hung Li, Percy Liuen-tin Lui, Andy Ka-chun Fung. – London ; New York : Routledge 2020. – 269 p.

37. Shannon, C. E. Communication Theory of Secrecy Systems / C. E. Shannon. – Electronic text data. – Mode of access: <https://archive.org/details/bstj28-4-656/mode/2up> (date of access: 06.08.2020). – Title from screen.

38. Shannon, C. E. A Mathematical Theory of Communication / C. E. Shannon. – Electronic text data. – Mode of access: <https://archive.org/details/bstj27-3-379> (date of access: 06.08.2020). – Title from screen.

REFERENCES

1. Avdonin V.S., Meleshkina E.J. O chem govornjat rejtingi? Zhurnaly po politicheskoy nauke v sisteme RINC [What Do Ratings Say? Political Science Journals in the RSCI System]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2019, no. 4, pp. 69-88.

2. Avdonin V.S., Meleshkina E.J. Politicheskaja nauka v zhurnalax: analiz instrumentov i pokazatelej v informacionnyh sistemah [Political Science in Journals: Analysis of Tools and Indicators in Information Systems]. *Politicheskaja nauka* [Political Science], 2020, no. 1, pp. 87-111.

3. Ahremenko A.S., Stukal D.K., Petrov A.P. Set ili tekst? Faktory rasprostraneniya protesta v socialnyh media: teorija i analiz dannyh [Network vs Message? In Protest Diffusion on Social Media: Theoretical and Data Analytics Perspectives]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2020, no. 2, pp. 73-91.

4. Viner N. *Kibernetika, ili Upravlenie i svjaz v zhivotnom i mashine* [Cybernetics: Or Control and Communication in the Animal and the Machine]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 344 p.

5. Viner N. *Tvorec i budushhee* [Creator and the Future]. Moscow, AST Publ., 2013. 732 p.

6. Giddens J. *Uskolzajushhij mir. Kak globalizacija menjaet nashu zhizn* [Runaway World:

How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2004. 241 p.

7. Iston D. Kategorii sistemnogo analiza politiki [Categories for the Systems Analysis of Politics]. *Politologija* [Political Science]. Moscow, Gardariki Publ., 2000, pp. 319-331.

8. Kastels M. *Vlast kommunikacii: ucheb. posobie* [Communication Power: Study Guide]. Moscow, GUVShE, 2016. 564 p.

9. Kastels M. *Galaktika Internet: Razmyshlenija ob Internete, biznese i obshhestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society]. Yekaterinburg, U-faktorija Publ., 2004. 328 p.

10. Kastels M. *Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kultura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, GUVShE, 2000. 608 p.

11. Kastels M., Himanen M. *Informacionnoe obshhestvo i gosudarstvo blagosostojaniya: finskaja model* [The Information Society and the Welfare State: The Finnish Model]. Moscow, Logos Publ., 2002. 219 p.

12. Ticher S., Meyer M., Vodak R., Vetter E. *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of Text and Discourse Analysis]. Kharkov, Gumanitarnyy tsentr, 2009. 356 p.

13. Miroshnichenko I.V., Morozova E.V. Setevaja publichnaja politika: kontury predmetnogo polja [Network Public Policy: Outlines of Subject Field]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2017, no. 2, pp. 82-102.

14. Nejsbit Dzh. *Megatrendy* [Megatrends]. Moscow, AST Publ., 2003. 308 p.

15. Timofeeva L.N., ed. *Politicheskaja kommunikativistika: monografija* [Political Communication. Monograph]. Moscow, RAPN, 2012. 427 p.

16. Pugachev V.P. Informacionno-finansovyy totalitarizm: rossijskij jeksperiment po amerikanskomu scenariju [Information and Financial Totalitarianism: A Russian Experiment Following the American Scenario]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12, Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Ser. 12. Political Sciences], 1999, no. 4, pp. 3-32.

17. Pugachev V.P. Informacionnyj totalitarizm kak perspektiva liberalnoj demokratii v XXI veke [Informational Totalitarianism as a Perspective of Liberal Democracy in the 21st Century]. *Na rubezhe vekov* [At the Turn of the Century], 1997, no. 4, pp. 45-51.

18. Radina N.K. Vlast v informacionnom pole prirodnyh i tehnogennyh katastrof (po materialam dokumentalnyh filmov) [Power in the Information Field of Natural and Man-Made Disasters (Based on Materials from Documentaries)]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2013, no. 1, pp. 112-124.

19. Radina N.K. Cifrovaja politicheskaja mobilizacija onlajn-kommentatorov materialov SMI o politike i mezhdunarodnyh otnoshenijah [Digital Political Mobilization of Online Commenters on Publications About Politics and International Relations]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2018, no. 2, pp. 115-129.

20. Radina N.K. Upravlenie massmedijnym diskursom kak funkciya kommunikativnogo koda vlasti [Management of Massmedia Discourse as a Function of the Communicative Code of Power]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2017, no. 2, pp. 138-156.

21. Radina N.K., Krupnaja D.A. Cifrovoe politicheskoe uchastie: jeffektivnost jelektronnyh peticij negosudarstvennyh onlajn-platfom (na materiale Change.org) [Digital Political Participation: The Effectiveness of Electronic Petitions by Non-Governmental Online Platforms (Based on Change.org)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2019, no. 6, pp. 113-127.

22. Solovej V.D. Cifrovaja mifologija i izbiratel'naja kampanija Donalda Trampa [Digital Mythology and Donald Trumps Election Campaign]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2017, no. 5, pp. 122-132.

23. Solovev A.I. Kommunikacija i kultura: protivorechija polja politiki [Communication and Culture: Contradictions in the Field of Politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2002, no. 6, pp. 6-17.

24. Solovev A.I. Politicheskij diskurs mediakratij: problemy informatsionnoj epokhi [Political Discourse of Mediocracies: Problems of the Information Epoch]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2004, no. 2, pp. 124-132.

25. Timofeeva L.N. Politicheskaya kommunikativistika kak multidistsiplinarnoe pole issledovaniya [Political Communication Studies as a Multidisciplinary Field of Research]. *Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoy poryadok: materialy VIII Vseros. kongressa politologov* [Development Policy, State and World Order. Materials of the 8th All-Russian Congress of Political Scientists]. Moscow, Aspect Press Publ., 2018, pp. 529-530.

26. Timofeeva L.N. Politicheskaya kommunikativistika: mirovaya i rossiyskaya proektsii [Political Communication Studies: World and Russian

Perspectives]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2016, no. 2, pp. 74-100.

27. Timofeeva L.N. Politicheskaya kommunikativistika: problemy stanovleniya [Political Communication Studies: Problems of Formation]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2009, no. 5, pp. 41-54.

28. Uebster F. *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Moscow, Aspect Press Publ., 2004. 400 p.

29. Khabermas Yu. *Moralnoe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral Concioussness and Communicative Action]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2000. 380 p.

30. Chumikov A.N. Politicheskaya kommunikativistika: aktualnye zadachi i tekhnologii prikladnogo primeneniya [Political Communicativistics: Topical Tasks and Technologies of Application]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2009, no. 5, pp. 55-67.

31. Shevchenko A.V. Ustoychivost politicheskoy sistemy: «chelovek kommunikativnyy» protiv «cheloveka politicheskogo» [Stability of Political System: Homo Communicativus vs Homo Politicus]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2009, no. 5, pp. 68-83.

32. Shennon K. *Raboty po teorii informatsii i kibernetike* [Works on Information Theory and Cybernetics]. Moscow, Izd-vo Inostr. lit., 1963. 830 p.

33. Shennon K. Sovremennye dostizheniya teorii svyazi [Modern Achievements of Communication Theory]. *Informacionnoe obshhestvo* [Information Society]. Moscow, AST Publ., 2004, pp. 23-40.

34. Shiller G. *Manipulyatory soznaniem* [The Mind Managers]. Moscow, Mysl' Publ., 1980. 326 p.

35. Deutsch K.W. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. London, Free Press of Glencoe, 1967. 316 p.

36. Li Sum-hung Eden, Percy Liuen-tin Lui, Andy Ka-chun Fung. *Systemic Functional Political Discourse Analysis. A Text-based Study*. London; New York, Routledge, 2020. 269 p.

37. Shannon C.E. *Communication Theory of Secrecy Systems*. URL: <https://archive.org/details/bstj28-4-656/mode/2up> (accessed 6 August 2020).

38. Shannon C.E. *A Mathematical Theory of Communication*. URL: <https://archive.org/details/bstj27-3-379> (accessed 6 August 2020).

Information About the Author

Ива L. Morozov, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Professor, Department of Public Administration and Management, Volgograd Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Gagarina St, 8, 400066 Volgograd, Russian Federation, politkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8241-5880>

Информация об авторе

Илья Леонидович Морозов, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и менеджмента, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Гагарина, 8, 400066 г. Волгоград, Российская Федерация, politkon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8241-5880>